

УДК 81' 42 (082)

СОВРЕМЕННЫЙ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИКИ¹

Валерий Александрович Мишланов

д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. mishl@psu.ru

Владимир Александрович Салимовский

д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614033, Пермь, ул. Кузбасская, д. 26, кв. 16. salimovski@rambler.ru

В статье освещаются актуальные проблемы лингвоконфликтологии и судебной лингвистики, анализируются положения Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности», связанные с *речевым экстремизмом*, проявляющимся в текстах церковно-религиозной сферы. Подчеркивается, что тексты религиозного дискурса в значительно большей мере, чем другие тексты «дискурса вражды» (например, направленные на возбуждение этнической или социальной ненависти), «сопротивляются» объективной юридической квалификации и правоприменительной практике. Решение проблем правоприменения в сфере религиозного экстремизма требует, по мнению авторов, совместного участия правоведов и лингвистов-экспертов, при этом к компетенции лингвистики относятся не только вопросы юрислингвистики и методики лингвистической экспертизы конфликтного текста, но и лингвистическое обеспечение законотворческого процесса (особенно в том случае, когда дело касается правового регулирования речевой коммуникации). Выявляются языковые и семиотические особенности текстов различных жанров церковно-религиозного дискурса. Отмечается, что т.н. «богодохновенные» тексты, т.е. священные тексты мировых религий (такие как Библия, Коран, Авеста и др.), возникшие в глубокой древности и в течение многих веков служившие (и продолжающие служить в наше время) семиотической базой духовной культуры этносов, принадлежащих к той или иной мировой религии, не могут быть объектом правового регулирования, в отличие от современных проповеднических и иных текстов религиозного дискурса, в которых с определенными коммуникативными целями интерпретируются те или иные фрагменты священного текста. Авторы приходят к выводу, что в существенной доработке нуждается законодательная и лингвистическая база правоприменения в отношении коммуникативной деятельности т.н. деструктивных (тоталитарных) сект – таких как «Саентология», «Свидетели Иеговы» и др. Отмечается, в частности, что антиэкстремистское законодательство России не дает достаточных оснований для запрета проповеднической деятельности руководителей большинства сект, в то же время не вызывает сомнений, что во многих случаях их деятельность несет угрозу обществу и поэтому должна быть запрещена. Подчеркивается, что правовая квалификация речевой деятельности проповедников деструктивных религиозных учений обеспечивается комплексной экспертизой, с участием не только лингвистов, но и специалистов многих других областей гуманитарного знания.

Ключевые слова: церковно-религиозный дискурс; богодохновенность как семиотическое понятие; семиозис; семиосфера; речевой экстремизм; лингвистическое обеспечение законодательства; правоприменительная практика; судебная лингвистическая экспертиза.

Наш немалый опыт в области судебной лингвистической экспертизы дает основания для вывода, что из разнообразного (в жанровом и содержательном отношении) множества конфликтных текстов наиболее проблемными в плане юридической квалификации и правоприменения являются тексты, содержащие угрозы и призывы к насилию.

менительной практики являются тексты церковно-религиозной сферы². В комментариях ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Федеральный закон «О противодействии...» 2006] юристы и правозащитники подчеркивают, что причины этого коренятся в несовершенстве данного закона, причем не столько вербальной стороны («буквы») закона, сколько его идеологии. Усовершенствовать антиэкстремистское законодательство предлагается весьма радикальным способом – попросту отменив означенный закон. По мнению С.А. Бурьянова, «инструментом наиболее массовых и системных преследований служит Федеральный закон № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" и набирающая обороты бессмысленная, беспощадная и антиправовая по своей сути борьба с так называемым «религиозным экстремизмом...». Очевидно, что применение «безразмерного» термина религиозный экстремизм несет угрозы правам человека и основам конституционного строя, а следовательно, создает угрозы безопасности личности, общества, государства. В целом неадекватная научно-теоретическая разработанность проблематики свободы совести и светскости государства в сочетании с некомпетентной политикой власти и корпоративными интересами доминирующих конфессий предопределили системный характер нарушений в данной области» [Бурьянов: эл. ресурс].

В обоснование критики закона об экстремизме исследователи (как правоведы, так и лингвисты) ссылаются на не самые удачные, по их оценкам, опыты правового применения закона (см., например: [Бурьянов 2009]). В частности, Макаровский районный суд Сахалинской обл. 08.10.2011, учитывая выводы экспертов, вынес решение о признании экстремистскими восьми изданий секты «Свидетели Иеговы». Однако здесь, судя по всему, нет признаков экстремизма: не только «Свидетели Иеговы», но и православные, католики, представители других конфессий противопоставляют земной, грешный (созданный людьми) мир небесному, безгрешному, божественному и исходят из представления об истинности только своей религии, ее преимуществе перед другими религиозными учениями. Как отмечается в комментарии, «единственная фраза в решении, которая обосновывает признание материалов экстремистскими, это следующее: имеются признаки побуждения к действиям, а именно «принимать волю Бога», «изучать Библию», «исполнять наставления Бога», «не вступать в связь со злыми духами», «не дать им

обмануть себя», «отвергать зло в любом его проявлении», имеются высказывания, негативно оценивающие священников, имеются высказывания, негативно оценивающие форму общественного устройства (системы), созданного людьми, наличие высказываний о преимуществе одной религии перед другой» [Анисимов: эл. ресурс].

Очевидны правоприменительные ошибки, связанные с подменой юридического понятия «экстремистская деятельность», содержание и объем которого определены законом, обыденными представлениями об экстремизме как приверженности любым крайним взглядам в социальной сфере. В результате под понятие «экстремизм» подводится неопределенно широкий круг асоциальных явлений, например, содержание брошюры, «в которой высказывалась необходимость воздерживаться от переливания крови». Анализируя фрагмент публикации в журнале «Пробудитесь!» от 22 октября 2000 г. (*Служба в Советской армии была обязательной для юношей 18-летнего возраста. Основываясь на знании Библии, я решил во что бы то ни стало придерживаться нейтралитета в отношении дел мира, что означало отказ от службы в Советской армии*), эксперт приходит к выводу: «Событие отказа от военной службы описывается автором с положительной оценочностью – как праведный поступок... Следовательно, в тексте брошюры «Пробудитесь!» от 22 октября 2000 года содержится побуждение к отказу от исполнения гражданских обязанностей, связанных с военной службой» [Анисимов: эл. ресурс]. Подчеркнем в связи с этим, что даже побуждение к отказу от службы в армии по каким-либо мотивам не может интерпретироваться как призывы к экстремистским действиям (см. ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»). К тому же эксперт обязан точно характеризовать семантику высказывания, не отождествляя положительную оценку с побуждением (призывом).

Необходимость совершенствования антиэкстремистского законодательства, как, впрочем, и других правовых актов, регламентирующих социальное речевое взаимодействие, не вызывает сомнений, но вряд ли правы те, кто призывает отменить закон об экстремизме, видя в нем лишь инструмент для подавления прав и свобод граждан (см. об этом: [Мишланов, Салимовский 2013], где мы попытались показать, что многие критические оценки положений ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не

имеют серьезных оснований). Более всего доработки требуют те положения закона, которые касаются проявлений религиозного экстремизма. Похожей точки зрения придерживаются и юристы; ср.: «На наш взгляд, законодательство, направленное на противодействие политическому экстремизму и тем формам, которые имеют политический характер, представляет собой достаточно развитую систему нормативных актов. Иное дело – собственно религиозный экстремизм, специфика и различные проявления которого не получили еще сколько-нибудь удовлетворительного отражения в законодательстве» [Макаров... 2005: 8].

С нашей точки зрения, совершенствование законодательной деятельности в указанной области предполагает углубленное изучение специфики социальных отношений и коммуникации в религиозной сфере, обязательный учет этой специфики при регулировании социального взаимодействия на базе существующих правовых норм.

Для решения означенных проблем необходимо исследовать в разных аспектах, но прежде всего под углом зрения лингвопрагматики и лингвоконфликтологии, особенности современного церковно-религиозного дискурса.

Представляется целесообразным типологизировать образующие его тексты по признаку «субъект речи». В этом случае будем различать:

1. Тексты, воплощающие Божественное Откровение (Библия, Коран, Танах, Типитака и др.).

2. Тексты, содержание которых определено Церковью как религиозным институтом. Сюда входят речевые произведения, а) представляющие каноническое учение (символы веры, священные предания, молитвословы и др.) и б) излагающие официальную позицию Церкви по тем или иным вопросам религиозной или общественной жизни.

3. Тексты, автором которых является священник – конкретный человек (личность), наделенный правом быть проводником богооткровенного и церковного учения. Это различные проповеди – экзегетические и догматические, в которых изъясняется религиозная доктрина, раскрывается содержание важнейших религиозных истин, апологетические, миссионерские, а также нравоучительные, предполагающие противопоставление разных смысловых позиций – истинной и ложной, нравственной (духовной) и безнравственной.

4. Тексты религиозной публицистики. Особенность речевых произведений этого класса

состоит в том, что их автор – служитель Церкви или мирянин – выражает не только и не столько религиозное мировоззрение, сколько определенную общественно-политическую позицию, отстаивает интересы определенной социальной группы.

В ином ракурсе (с точки зрения содержания и коммуникативной направленности) тексты церковно-религиозного дискурса можно разделить на следующие типы: 1) вероучительные тексты, т.е. «богодуховенные» Писания и богословские комментарии к ним; 2) богослужебные тексты (на русском и ц.-сл. яз.), молитвы канонические и иные; 3) проповеднические тексты (гомилетика, церковная публицистика, тексты, ставящие основной коммуникативной целью исправление нравов, духовное воспитание); 4) прозелитические тексты (имеющие целью обращение иноверцев, вовлечение в секту новых членов, а также воцерковление мирян); 5) экуменические тексты (позитивное межконфессиональное общение).

Тексты первого типа (в обеих классификациях), называемые священными (сакральными), богодуховенными, занимают особое положение в религиозном дискурсе и в пространстве духовной культуры в целом. Танах и Библия (Ветхий и Новый Заветы), Ригведа, Коран, Авеста и др., будучи древнейшими образцами литературы мирового значения и образующие своего рода фундамент духовной культуры современных цивилизаций (географические границы которых во многом совпадают с ареалами мировых религий), сыграли выдающуюся роль и в истории национальных литературных языков.

Религия, сменяющая языческие формы верований, отличается от последних особым свойством, которое можно определить как ортодоксальность и «доктринальность». Религия есть вероучение, требующее (как таковое) особых коммуникативных условий: письменной фиксации и кодификации вероучительных текстов. Так возникают особого рода тексты (Писания), бытие которых существенно отличается от функционирования иных текстов, не имеющих прямого отношения к какому-либо вероучению и богослужению. Такие тексты характеризуются качеством, именуемым в богословии *богодуховенность* (иначе – *боговдохновенность*, *богодуховенность*) и осмысливаемым как результат «особого воздействия Св. Духа на провозвестников Божественного Откровения» и как «свойство писаний, в силу которого они являются как бы словом самого Бога, а не личным созданием их

авторов» [Полный православный богословский словарь 1992: 350]. «При этом, однако, – продолжают авторы словаря, – дух человеческий, становясь таким образом орудием сообщения Божественного Откровения, сохраняет и деятельно проявляет все свои силы и способности» [там же].

Думается, что понятие богодохновенности допускает не только богословскую, но и филологическую, точнее, семиотическую трактовку, ибо в конечном счете богодохновенность текстов есть следствие особого отношения к ним человека. С точки зрения прагматики (как особого семиотического измерения), богодохновенность текста интерпретируется как такое его свойство, которое предполагает наличие тайных смыслов. Именно из этой презумпции исходит читатель (верующий, воспринимающий текст не критически, не апеллирующий к разуму).

В силу особого отношения к Писанию, в силу его особого статуса в духовной жизни людей священный текст постоянно воспроизводится, причем не только в процессе богослужения, но и в художественном творчестве, в интеллектуальном процессе, даже в повседневном общении. Семиотические особенности «богодохновенных» текстов заключаются также в том, что их генезис – это чрезвычайно длительный и сложный процесс (а до письменной фиксации многие из этих текстов существовали в устной традиции). Их движение во времени и пространстве, многократное воспроизведение (переписывание, цитирование) – всякий раз в новых условиях, в новом контексте – неизбежно сопровождалось изменениями не только в смысловом плане, но и в их поверхностной структуре. Особенно значительны изменения текста в его устном бытии, но и письменные тексты претерпевали определенные трансформации – в результате невольных ошибок при переписывании либо сознательного редактирования.

Этими семантическими сдвигами могут быть объяснены некоторые «неясности» сакрального текста с тысячелетним генезисом. Но, думается, не только ими. Неясность сакрального (шире – поэтического) текста – одно из его сущностных свойств, а вовсе не свидетельство его ущербности. Подлинная поэзия не предполагает простоты и ясности, но, напротив, заключает в себе тайну, нечто такое, что не постигается рационально. Умберто Эко в «Заметках на полях романа *Имя розы*» пишет: «Поэтическое качество я определяю как способность текста порождать различ-

ные прочтения, не исчерпываясь до дна» [Эко 1989: 432].

Не случайно еще в древности родилось искусство герменевтики, или толкования, интерпретации текстов, и сложились различные методы экзегетики религиозных текстов – извлечения, выведения (так переводится с греч. слово ἐξήγησις) скрытых, подразумеваемых смыслов. В иудейской и христианской традиции использовалась четырехступенчатая экзегетика Библии, предполагающая интерпретацию текстов на четырех уровнях смысла: «буквальный смысл, *тропологическое*, или *моральное* (нравственное) толкование, *аллегорическое* или *типологическое* толкование, *анагогическое толкование*, связанное с реальностями духовного мира» [Десницкий 2011: 99] (в иных терминах: буквальный, метафорический (аллегорический), тропологический, или нравственный (как результат этической трактовки аллегорий), и анагогический, или высший символический смысл).

Как отмечает Н.Б. Мечковская, «с точки зрения семиотики... язык и религия – это две самообитные знаковые системы, обладающие своим содержанием и своим способом передачи этого содержания. План содержания языка [концептосфера] и план содержания религии [вероучение] – это два разных образа мира (две картины, две модели мира), поэтому в терминах семиотики язык и религия – это две моделирующие семиотические системы» [Мечковская 1998: 3]. Добавим, что религия как некая концептосфера, как комплекс вероучительных текстов (и их экзегез – толкований, идущих из «старинной глубокой») с бесконечным содержанием является все же вторичной моделирующей системой, о чем, впрочем, в цитируемой работе чуть ниже пишет сама Н.Б. Мечковская: «Можно сказать, что язык – это универсальное средство, техника общения; религия – это универсальные смыслы, транслируемые в общении, заветные смыслы, самые важные для человека и общества» [там же: 4].

Итак, священные писания приобретают в пространстве духовной культуры особый семиотический статус: они воспринимаются как знаки, исполненные высшей духовности, мудрости и нравственного совершенства, поэтому имеющиеся в священных текстах языковые формы и смыслы становятся образцовыми и используются во всех книжных стилях национального языка. Библия в христианском мире, Коран и Сунна у мусульман явно или незримо присутствуют в *семиосфере* и в той или иной мере участвуют в *семиозисе*³.

По-видимому, в противоречие с законом в той или иной мере могут вступать лишь тексты, не являющиеся священными (богооткровенными, содержащими символ веры, канонические молитвы и др.), т.е. в основном речевые произведения 3-й и 4-й групп (в частности, проповеднические и прозелитические). Потенциально конфликтными являются прежде всего тексты тех жанров, которые предусматривают противопоставление одних религиозных и идеологических взглядов другим – выступления иерархов Церкви по межконфессиональным и общественно-политическим вопросам, апологетические и миссионерские проповеди, религиозно-публицистические произведения.

Священные писания мировых религий и богослужебные тексты с многовековой традицией, каким бы ни было содержание тех или иных их частей, не могут (не должны) оцениваться с позиций современного права. В аспекте прагматики, т.е. с точки зрения пользователя (в данном случае верующего), в Писании святы (и истинны) и буква, и дух, с позиций же иноверца или атеиста, содержание такого текста не обладает непогрешимостью и вполне допускает негативные оценки. Между пользователем и богодохновенным текстом стоит богослов и филолог, толкователь, чья область деятельности – герменевтика и экзегетика.

Но богословские толкования богодохновенного текста сами не могут претендовать на этот статус, и к ним необходимо подходить с вполне «земными» мерками, в частности, оценивая их с точки зрения права. И если новое (современное) толкование какого-либо древнего священного текста не согласуется со столь же древней богословской традицией, оно не обладает (не должно обладать) «презумпцией непогрешимости» и текст такого толкования может стать предметом судебно-лингвистического исследования.

В то же время с известной осторожностью следует относиться к богословским экзегезам священных текстов или иным вероучительным текстам в том случае, если они были созданы в достаточно давнее время, а тем более в древнейший период истории какого-либо вероучения. Так, безусловной святостью и истинностью наделен у мусульманских богословов и верующих не только Коран, но и многочисленные *хадисы*, или предания о делах и речениях пророка Мухаммеда, которые начали складываться уже в VII в. (видимо, еще при жизни Мухаммеда). На Сунне (собрании хадисов) и Коране зиждется шариат, определяющий нормы жизни в

исламских странах, и любая критика в СМИ положений не только Корана, но и Сунны или основанных на них шариатских постановлений (*фетв*) порождает острые социальные конфликты и, по-видимому, неприемлема.

Однако современные издания хадисов, сопровождаемые комментариями, не должны быть под защитой «презумпции непогрешимости», ибо комментарии эти не всегда остаются в рамках традиционного ислама и веротерпимости. Так, в исследовании, выполненном в одном из университетов Канады, проводится сопоставление зафиксированных в текстах Танаха и Нового Завета норм, определяющих отношение к женщине, с соответствующими нормами, действующими в мусульманском мире (с установлениями шариата), при этом описание иудаистских и христианских норм дано с выраженной отрицательно-оценочной модальностью [Шериф Абдель Азим]. Такого противопоставления не содержится в самих священных текстах, оно является выражением религиозной нетерпимости авторов исследования.

Показательно также издание на русском языке древней книги кришнаитов «Бхагавад-гита», снабженное комментариями Б.С. Прабхупады («Бхагавад-гита как она есть») [Репортаж...: эл. ресурс]. Экспертиза текста была проведена учеными Томского и Кемеровского университетов, давшими положительные ответы на вопросы о наличии в книге кришнаитов признаков экстремизма («признаков разжигания религиозной ненависти, унижения достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии»). Следует, впрочем, отметить, что выводы экспертов о наличии признаков религиозного экстремизма относятся не столько к тексту литературного памятника, сколько к комментариям Прабхупады, в которых, как отмечают эксперты, и содержатся оскорбительные номинации последователей иных вероучений (*глупец, невежда, недалекий, демон, свинья* и т.п.) [Перевод священного писания кришнаитов проверяют на экстремизм: эл. ресурс].

Подчеркнем, что в сфере религиозной коммуникации внимание правоведов привлекают прежде всего высказывания (с выраженной коммуникативной установкой пропаганды, убеждения) «о преимуществе одной религии перед другой». Однако из всех признаков экстремистской деятельности, приведенных в ст. 1 ФЗ № 114, как раз этот признак (наличие высказываний, направленных на «пропаганду исключительности,

превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии... [по религиозной... принадлежности]) вызывает, на наш взгляд, наибольшие сложности для правоприменения. Дело в том, что пропаганда какого-либо вероучения как единственно верного (стало быть, противопоставляемого другим религиям как ошибочным) является существенным компонентом деятельности священнослужителя. При этом государство, принимающее демократические принципы, не должно препятствовать распространению религиозных взглядов.

В вопросах веры обращение к разуму малопродуктивно. Представления об истинности или ложности догматов определяются религиозным чувством; верующий в поисках истины ищет ориентиры в духовных традициях своего народа, подчиняясь иррациональному «голосу крови», «зову предков». Призывы отказаться от прежних («ложных») верований, религий и влиться в лоно «истинной» религии – чем принципиально отличаются они от призывов отказаться от религиозных взглядов вообще или присоединиться к идеологической программе какой-либо общественной организации? Отрицательно-оценочные высказывания в адрес конфессий и сект, конечно, не благоприятствуют установлению согласия. Но отменить религиозные противоречия не в силах никакое законодательство. В этой сфере оно лишь призвано, обеспечивая право каждого на свободу исповедания веры или на атеизм, не допустить, чтобы различия в религиозных взглядах превращались в «культивируемую» рознь, обуславливали религиозную враждебность, служили «обоснованием и оправданием» насилия по отношению к «неверным».

С нашей точки зрения, под запретом законодательства должно быть лишь возбуждение вражды к представителям других конфессий (как и других этносов, социальных групп), прежде всего призывы к насилию по отношению к иноверцам, а также оскорбление чувств верующих, святотатство, демонстрация неуважения к святыням. Заметим при этом, что тексты, содержащие прямые призывы к насилию, к физическому уничтожению представителей иных социальных групп, во многих случаях не требуют специального лингвистического исследования для их обоснованной правовой квалификации. Необходимость в лингвистической экспертизе такого текста возникает обычно тогда, когда коммуни-

кативные цели выражаются косвенным путем, в той или иной степени завуалированно.

Еще раз подчеркнем, что пропаганда истинности какого-либо религиозного учения, противопоставляемого другим учениям как неистинным, греховным, составляет основное содержание миссионерской деятельности и важный аспект духовного просвещения представителей любой конфессии. Такая пропаганда не противоречит правовым нормам, если она не культивирует практики враждебности.

С учетом сказанного нужно оценивать и деятельность так называемых тоталитарных (деструктивных) сект. В новейшей судебной практике имеются прецеденты обвинительных решений в отношении изданий саентологов – последователей основанного Л.Р. Хаббардом радикального религиозного учения [Хаббард 2007] (см. также: [Свобода совести в России... 2009], где опубликованы статьи, посвященные истории саентологии, ее идеологическим принципам, а также заключение экспертов ГЛЭДИС, анализировавших тексты саентологов под углом зрения антиэкстремистского законодательства). Так, в 2011 г. в городском суде Набережных Челнов некоторые публикации саентологов были квалифицированы как экстремистские [В Татарстане запрещены очередные материалы саентологов: эл. ресурс].

Заслуживает специального рассмотрения вопрос о том, что в этих публикациях нужно считать проявлением миссионерской деятельности как таковой и какие именно речевые действия могут быть квалифицированы как направленные «на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам... происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе».

По мнению Е.Н. Волкова, «основатель саентологии настойчиво и последовательно пропагандирует разделение всего человечества на два рода существ различного происхождения – на «вечных и духовных» тэтанов и на ничтожных, глупых и омерзительных «материальных» хомо сапиенсов. Независимо от вопроса о реальности существования «тэтанов» изображение людей (хомо сапиенс) в текстах Р. Хаббарда носит однозначно расистский характер, а прилагательное «гуманоидный» употребляется им как унизительно-негативное» [Волков 2010: 104]. «Приверженность саентологической религии объявляется Р. Хаббардом единственной достойной мудростью, остальные религии характеризуются

как «низкопробные» и «низкотонные» («религии в тоне 1.1»). Целый ряд социальных групп (и их представители) являются в текстах Р. Хаббарда объектами возбуждения вражды и ненависти, а также объектами унижительных характеристик: во-первых, человечество в полном составе (как биологический вид хомо сапиенс); во-вторых, все несогласные с Р. Хаббардом и его идеями (ПЛ – «подавляющие личности»); в-третьих, психиатры и психологи; в-четвёртых, судьи; в-пятых, представители правоохранительных органов; в-шестых, учёные; в-седьмых, преподаватели систем среднего и высшего образования. Последние две группы оказываются объектами возбуждения вражды в основном в косвенной форме – через крайне негативные характеристики научных материалистических концепций и системы образования, но немало обнаруживается и унижительных высказываний, обращённых Р. Хаббардом на представителей этих групп» [Волков 2010: 104].

Заметим, однако, что саентологи в их критической оценке иных религий (мировоззрений) ничем не отличаются от представителей какой-либо другой конфессии. Внимания экспертов заслуживают лишь речевые действия, обнаруживающие враждебность к людям по религиозному признаку. Так, в характеристике какой-либо религии как «низкопробной» косвенно выражается пренебрежение к ее последователям. Вместе с тем нужно констатировать, что негативно-оценочные высказывания саентологов относятся скорее не к социальным группам, т.е. объединениям людей, а к общественным институтам (науке, образованию, психиатрии, юриспруденции и т.д.). В критике же «рода человеческого» Р. Хаббард и его последователи не являются пионерами. Вряд ли стоит осуждать поэта за фразу «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Гностики, как известно, делили всех людей на «плотских», «душевных» и «духовных» («пневматиков»), из них лишь последние могут познать (иррационально) божественную истину. «В своем бездейственном неискупленном положении пневма [дух]... поглощена душой и плотью; она не сознает себя, пребывает в оцепенении, спит или отравлена ядом мира; короче говоря, она пребывает в "неведении". Ее пробуждение и освобождение достигается с помощью "знания"» [Йонас 1998: эл. ресурс].

«Сразу подчеркнём, – пишет Волков, – что речь идёт не о каком-то варианте социальной критики, а именно о тотальной негативизации

указанных групп, которым противопоставляется исключительно принадлежность к группе приверженцев церкви саентологии. Дополнительнымотягчающим обстоятельством является то, что все проявления и продукты «гуманности» (социальные институты) изображаются и характеризуются Р. Хаббардом исключительно в негативном свете» (http://lurkmore.ru/Project_Chanoology/B_России).

Эти суждения эксперта весьма показательны: нигилизм саентологов направлен против социальных институтов. Стоит добавить, что, по видимому, логически несостоятельны попытки обнаружить экстремистское деяние в случае, когда некая отрицательная оценка распространяется на всех, кто не входит в определенную социальную группу, ибо все остальные (несаентологи), как и человечество в целом, не образуют социальной группы.

К отрицательному ответу на вопросы о наличии в публикациях Л. Рона Хаббарда высказываний экстремистского характера пришли после изучения 18 изданий лидера саентологии такие авторитетные в области судебной лингвистической экспертизы ученые, как Ю. А. Бельчиков, А. С. Мамонтов, М. В. Горбаневский [Акт № 94-12/08 Научно-консультационного комиссионного обследования книжных изданий специалистами-лингвистами...: 113–115]. К такому же выводу пришел и эксперт С. Б. Шинёв, доцент кафедры философии Московского государственного университета приборостроения и информатики: «Результаты проведённого анализа, изложенные выше, дают возможность сделать достаточно достоверный вывод по первому вопросу; предоставленные эксперту материалы не содержат информации, унижающей достоинство или пропагандирующей неполноценность представителей какой-либо социальной группы, нации, религии, расы. Доктрина Церкви Саентологии носит в целом гуманистический, толерантный по отношению к духовным ценностям, традициям и интересам других социальных групп и религий характер» [Шинев 2009: 127].

Сказанное не означает, что тексты церковно-религиозного дискурса, лишённые бесспорных примет экстремистской деятельности, не заслуживают изучения под углом зрения проблем лингвоконфликтологии и судебной лингвистики. В этом аспекте особого внимания как раз и заслуживают проповеднические тексты саентологов, иеговистов, неопятидесятников и других тоталитарных (деструктивных) религиозных учений (чаще называемых сектами, что, видимо,

вызвано стремлением противопоставить их традиционным конфессиям). Обозначение *секта* наделяется определенной долей отрицательной оценочности, являясь, по сути, синонимом сочетания *деструктивная (тоталитарная) религиозная организация*. К тоталитарным сектам относят «особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками... Тоталитарные секты прибегают к обману, умолчаниям и навязчивой пропаганде для привлечения новых членов..., к психологическому давлению, запугиванию и прочим формам удержания членов в организации» [Дворкин: эл. ресурс]. Добиться полного подчинения организации (ее лидеру, учителю, гуру) недостижимо без манипуляций, подавления воли, мощного психологического пресса, использования опасных для психики приемов воздействия, а потому тоталитарные секты оказываются в то же время деструктивными, не лечащими, а разрушающими души.

Вместе с тем противодействие деятельности таких религиозных организаций не должно давать проповедникам новых учений повода утверждать, что против них ведется незаконная идеологическая борьба. Не могут быть запрещены догматы тех или иных вероучений. Запрету подлежат лишь культы, рядящиеся в одежды вероучений, но проповедующие зло и ненависть, а также манипулятивные способы вовлечения в религиозные организации и опасные для психического здоровья людей методы воздействия на сознание, на чувства и волю членов секты.

Так, в одной из газет Пермского края была опубликована статья «Кому служат *новые религии?*», в которой резко критически описывалась деятельность неопятидесятников. Руководители секты пытались обвинить автора статьи в разжигании враждебности к ее членам и дискриминации по религиозному признаку. Анализ статьи показал, однако, что в ней нет речевых признаков экстремистской деятельности, в частности, высказываний, которые можно было бы расценить как направленные на возбуждение религиозной розни (т.е. настраивающие читателей против представителей какого-либо из основных вероучений, исповедуемых в России, либо их модификаций – сект), как нет и высказываний, пропагандирующих исключительность или не-

полноценность человека по его религиозной принадлежности. Резко негативные суждения, содержащиеся в статье, направлены не против религиозного учения как такового (в данном случае – догматов неопятидесятников), а против **деятельности** руководителей секты, против **методов** вовлечения в секту новых адептов, против **приемов** психологического воздействия на рядовых членов секты, которые, с точки зрения автора статьи, противоречат моральным принципам и несут опасность для общества.

Но эти девиантные практики не подпадают под действие антиэкстремистского законодательства. Если, однако, общество заинтересовано в запрете деструктивных сект, необходимо прежде всего решить юридические задачи (усовершенствовать наше законодательство, разработать и принять соответствующие правовые нормы), а кроме того, решить методологические проблемы, связанные с диагностикой – в свете принятых норм – конфликтогенных текстов церковно-религиозного дискурса. Вряд ли можно сомневаться в том, что только лингвистической экспертизы изданий деструктивных религиозных учений недостаточно: для их юридически обоснованной, справедливой квалификации потребуются проведение комплексной междисциплинарной экспертизы [Синицына 2013: 195]. Экспертные оценки только тогда будут иметь значение «доказательной базы», когда к исследованию потенциально конфликтного текста церковно-религиозного дискурса будут привлечены специалисты многих других областей гуманитарного знания – литературоведения, истории, философии, религиоведения, этнографии, искусствоведения.

Примечания

¹ Работа издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-14-59007 а/У.

² Актуальность поднимаемой в статье темы подтверждается, без преувеличения, ежедневно новостными сообщениями в печатных и электронных СМИ. Так, недавно многие мировые телеканалы сообщили о резко негативной реакции на слова премьер-министра Великобритании, сказавшего в обращении по случаю празднования Пасхи, что Британия – христианская страна. Разумеется, такая характеристика не противоречит действительному положению дел и историческим фактам и вряд ли может быть названа оскорбительной для граждан Великобритании,

принадлежащих иным религиям, тем более для атеистов, коих, возможно, большинство. Здесь, конечно, нет предмета для дискуссий между юристами и лингвистами-экспертами, однако есть о чем поговорить политикам и социологам.

³ В современной гуманитарной науке активно используются понятия *семиосферы* (введено в научный оборот главным образом Ю.М. Лотманом [Лотман 2000: 251–252]) и *семиозиса*. Пространство духовной культуры можно представить в виде множества взаимодействующих друг с другом знаковых систем. В центре этого пространства находится естественный язык – основное, но не единственное орудие коммуникации. Естественный язык сам по себе, без взаимодействия с иными знаковыми системами, годится лишь для информативного общения (в обиходной, деловой или научной коммуникации). Однако в духовной сфере коммуникация невозможна без взаимодействия языка с иными семиотическими системами, с иными кодами культуры. «Если по аналогии с биосферой (В.И. Вернадский) выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» [Лотман 2000: 251].

Семиосферу можно определить как глобальную совокупность семиотических систем (языков) и созданных с их помощью текстов, которые, собственно, и составляют содержание духовной культуры человечества. Включение в понятие семиосферы языков отличает (и оправдывает) его от смежных понятий *интертекст* (совокупность прецедентных текстов) и *гипертекст* (организованное – посредством системы отсылок – множество текстов культуры).

Понятие семиозиса было введено, по видимому, Ч. Моррисом, который определяет его как процесс функционирования чего-либо в качестве знака, процесс создания знака [Моррис 2001: 47]. По Лотману, тексты суть продукт семиозиса [Лотман 2000: 646], т.е. текстопорождение не воспроизводство готовых знаков, а создание нового знака. Если мы используем языковые знаки (слова естественного языка) в их устойчивом (узальном) значении, т.е. воспроизводим их, создавая некий текст, то вряд ли это может быть определено как т в о р е -

ние знака. Но текстопорождение есть всегда одновременно воспроизводство и производство, текст в целом становится новым (вторичным) знаком, соотношенным с новым смыслом. Учитывая это, под семиозисом следует понимать использование языка для порождения текстов духовной культуры (поэтических, философских, публицистических), но не текстов с «прозрачной» референцией (административных, деловых, обиходно-бытовых). Другими словами, семиозис – это использование языка в «метафизической» сфере, которое всегда есть означивание посредством уже имеющихся языковых знаков (во взаимодействии со знаками иных семиотических кодов: мифологий, Священного писания, художественной литературы, кино, живописи и др.) некоторых уникальных смыслов.

При этом семиозис (процесс) не следует, как это иногда случается, отождествлять с семиотическим пространством, с семиосферой (ср.: «В самом широком понимании, семиозис есть *пространство знаков*, в котором каждый знак интерпретируется через другие знаки» [Бразговская 2008: 84]). Оба эти понятия дополняют, точнее, предполагают друг друга. Использование языка как первичной семиотической системы, по Лотману, невозможно без погружения в семиосферу (в иные ее зоны). «Одновременно во всем пространстве семиозиса – от социальных, возрастных и прочих жаргонов до моды – также происходит постоянное обновление кодов. Таким образом, любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать» [Лотман 2000: 251].

Список литературы

Анисимов А.П. Анализ применения закона «О противодействии экстремистской деятельности» в отношении религиозных организаций, признание материалов экстремистскими. URL: http://www.svobodasovesti.org/index.php?option=com_content&view=article&id=1326:-1-r-&catid=114:-1--&Itemid=797 (дата обращения: 10.12.2013).

Бразговская Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учеб. пособие. Пермь, 2008.

Бурьянов С.А. Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в

Российской Федерации. М.: ЗАО «ТФ "МИР"», 2009. 288 с.

Бурьянов А.С. О необходимости отмены ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и иного «антиэкстремистского» законодательства. URL: <http://golosislama.ru/news.php?id=8257> (дата обращения: 19.10.2013).

Волков Е.Н. Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза манипулятивного воздействия: социально-психологические и когнитивные аспекты // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием. Калуга, 26-29 мая 2010 г. Калуга, КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2010. С. 101-106.

В Татарстане запрещены очередные материалы саентологов. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2011/09/d22513/> (дата обращения: 19.10.2013).

Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. АКТ научно-консультационного комиссионного обследования книжных изданий специалистами-лингвистами № 94 12/08 // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 7: сб. ст. СПб.: Росс. объединение исслед. религии, 2009. С. 101–115.

Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд. 3-е, перераб. и доп. Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. Нижний Новгород, 2002. URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=author&id=43> (дата обращения: 10.12.2013).

Десницкий А.С. Введение в экзегетику. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.

Йонас Ганс. Гностицизм (гностическая религия). СПб.: Лань, 1998. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/jonas01/txt02.htm#d>

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. 704 с.

Макаров А.В., Макаров Н.Е. Правовая основа профилактики политического и религиозного экстремизма в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 11. С. 8–14.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Этнический экстремизм в массовой коммуникации с точки зрения проблем судебной лингвистической экс-

пертизы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4 (24). С. 63–75.

Моррис Ч.У. Из области основной семиотики // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. М.: Акад. проект, 2001. С. 45–98.

Мухаммад Закария Кандехлеви (хафиз Мухаммад Закария). Достоинства Корана. Изложение и комментарии 40 хадисов (без вых. дан.).

Перевод священного писания кришнаитов проверят на экстремизм // РИА Новости. 31.08.2011. URL: <http://www.ria.ru/inquest/20110831/427685043.html> (дата обращения: 10.12.2013).

Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. Репринт. изд. М., 1992. 1120 с.

Репортаж: Как в Томске «Бхагавад-гиту» судят: Ленинский суд пытается выискать «экстремизм» в древнейшем писании индуизма URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=87265> (дата обращения: 10.12.2013).

Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 7: сб. ст. СПб.: Росс. объединение исслед. религии, 2009. 396 с.

Синицына М.А. Исследование механизмов аргументирования в современных СМИ для оптимизации методологии проведения лингвистической экспертизы: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 239 с.

Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ) // Росс. газ., федер. вып. № 4131. 2006. 29 июля.

Хаббард Л.Р. Саентология: Новый взгляд на жизнь. Дания, Копенгаген: NewEra, 2007. 372 с.

Шериф Абдель Азим (доктор философии королевского ун-та Кингстон. Онтарио. Канада). Женщина в исламе и в иудео-христианском мире (мифы и реальность) (без вых. дан.)

Шинёв С.Б. Заключение эксперта // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 7: сб. ст. СПб.: Росс. объединение исслед. религии, 2009. С. 116–135.

Эко У. Имя розы. М.: Кн. палата, 1989. 496 с.

References

Anisimov A.P. Analiz primenenija zakona «O protivodejstvii ehkstremitsskoj dejatel'nosti» v otnoshenii religioznykh organizacyj, priznanie materialov ehkstremitsskimi [Analysis of application of the law «On Countering Extremist Activity» in

relation to religious organizations, qualifying materials as extremist]. Available at: http://www.svobodasovesti.org/index.php?option=com_content&view=article&id=1326:-1-r-&catid=114:-1--&Itemid=797 (accessed: 10.12.2013).

Brazgovskaja E.E. Jazyki i kody. Vvedenie v semiotiku kul'tury: Ucheb. posobie. [Languages and codes. Introduction to the semiotics of culture: Textbook]. Perm, 2008.

Bur'janov A.S. O neobkhodimosti otmeny FZ «O protivodejstvii ekstremistskoj dejatel'nosti» i inogo «antiekstremistskogo» zakonodatel'stva [On the necessity of abolishing the Federal Law «On Countering Extremist Activity» and other «anti-extremist» legislation]. Available at: <http://golosislama.ru/news.php?id=8257> (accessed: 19.10.2013).

Bur'janov S.A. Realizatsija konstitucionnoj svobody sovesti i svobody veroispovedanija v Rossijskoj Federacii [Implementation of the constitutional freedom of conscience and religion in the Russian Federation]. Moscow: ZAO «TF «MIR»», 2009. 288 p.

Desnickij A.S. Vvedenie v ehkzegetiku [Introduction to exegetics]. Moscow: Izd-vo PSTGU Publ., 2011.

Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii «O protivodejstvii ehkstremistskoj dejatel'nosti» (v redakcii ot 27 ijulja 2006. № 148-FZ) [Federal Law of the Russian Federation «On Countering Extremist Activity»]. Rossijskaja gazeta. No. 4131. 29 July 2006.

Gil'dija lingvistov-ekspertov po dokumentacionnym i informacionnym sporam. AKT nauchno-konsul'tacionnogo komissionnogo obsledovanija knizhnykh izdanij specialistami-lingvistami № 94 12/08 [The guild of expert linguists specializing in document and information disputes. The ACT of inspection of books by linguists № 94 12/08]. Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennyj aspekty. Vyp. 7: sbornik statej [Freedom of Conscience in Russia: historical and contemporary aspects. Iss.7: collected articles. St. Petersburg: Rossijskoe ob'edinenie issledovatelej religii Publ. 2009. P. 101 – 115.

Jonas Gans. Gnostitsizm (gnosticheskaja religija) [Gnosticism (Gnostic religion)]. St. Petersburg: «Lan» Publ., 1998. Available at: <http://psylib.ukrweb.net/books/jonas01/txt02.htm#d>

Dvorkin A.L. Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovanija [Sectology. Totalitarian sects. Experience of systematic studies]. Izdanie 3-e, pererabotannoe i dopolnennoe. Izdatel'stvo bratstva vo imja sv. knjazja Aleksandra Nevskogo, Nizhnij Novgorod, 2002 g. Available at: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=author&id=43> (accessed: 10.12.2013).

Eco U. Imja rozy [The Name of the Rose]. Moscow, Knizhnaja palata Publ., 1989. 496 p.

Khabbard L.R. Saentologija: Novyj vzgljad na zhizn' [Scientology: a new view on life]. Danmark, Copenhagen: NewEra, 2007. 372 p.

Lotman Ju. M. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg: «Iskusstvo – SPB» Publ., 2000. 704 p.

Makarov A.V., Makarov N.E. Pravovaja osnova profilaktiki politicheskogo i religioznogo ehkstremizma v Rossii [The legal basis for prevention of political and religious extremism in Russia]. Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie [State and local government]. 2005, No. 11. P. 8–14.

Mechkovskaja N.B. Jazyk i religija [Language and religion]. Moscow: Agentstvo «FAIR» Publ., 1998. 352 p.

Mishlanov V.A., Salimovsky V.A. Ehtnicheskij ekstremizm v massovoj kommunikacii s tochki zrenija problem sudebnoj lingvisticheskoj ehksper-tizy [Ethnic extremism in mass communication in terms of forensic linguistic expertise issues]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 4 (24). P. 63–75.

Morris Ch.Ju. Iz oblasti osnovnoj semiotiki [From major semiotics]. Semiotika: Antologija [Semiotics: Anthology] / Ju.S. Stepanov. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2001. P. 45 – 98.

Mukhammad Zakarija Kandekhlevi (hafiz Mukhammad Zakarija). Dostoinstva Korana. Izlozhenie i kommentarii 40 khadisov [Merits of the Koran. Presentation and comments of 40 Haditha].

Perevod svjashhennogo pisanija krishnaitov proverjat na ehkstremizm [Translation of the Krishnaitic sacred text will be inspected for extremism]. RIA Novosti 31.08.2011. Available at: <http://www.ria.ru/inquest/20110831/427685043.html> (accessed: 10.12.2013).

Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij ehnciklopedicheskij slovar' [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary]. Vol. 1. Moscow, 1992. 1120 p.

Reportazh: Kak v Tomske «Bkhagavad-gitu» sudjat: Leninskij sud pytaetsja vyiskat' «ehkstre-mizm» v drevnejšem pisanií induizma [Report: How the Bhagavad Gita is being tried in Tomsk: Leninsky court is making efforts to find «extremism» in the earliest scriptures of Hinduism]. Available at: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=87265> (accessed: 10.12.2013).

Sherif Abdel' Azim Zhenshhina v islame i v iudeo-khristianskom mire (mify i real'nost') [The woman in Islam and in Judaic-Christian world (myths and reality)].

Shin'jov S.B. Zakljuchenie ehksperta [The expert's resolution]. Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennij aspekty Iss. 7: sbornik statej. [Freedom of Conscience in Russia: historical and contemporary aspects. Iss. 7: collected articles]. St. Petersburg, Rossijskoe obedinenie issledovateley religii Publ., 2009. P. 116 – 135.

Sinicina M.A. Issledovanie mekhanizmov argumentirovanija v sovremennykh SMI dlja optimizacii metodologii provedenija lingvisticheskoy ehkspertizy: Dis. ... kand. filol. nauk. [Study of mechanisms of reasoning in the contemporary mass media for optimizing the methodology of linguistic expertise: Cand. philol. sci. Diss]. Moscow, 2013. 239 p.

Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennij aspekty. Vypusk 7: sbornik statej. [Freedom

of conscience in Russia: historical and contemporary aspects: Iss. 7. Collected articles]. St. Petersburg: Rossijskoe ob'edinenie issledovateley religii Publ., 2009. 396 p.

Volkov E.N. Kompleksnaja psikhologo-lingvisticheskaja ehkspertiza manipuljativnogo vozdejstvija: social'no-psikhologicheskie i kognitivnye aspekty [Complex psychological and linguistic expertise of manipulative influence: the socio-psychological and cognitive aspects]. Aktual'noe sostojanie i perspektivy razvitija sudebnoj psikhologii v Rossijskoj Federacii: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem. Kaluga, 26-29 maja 2010 g. [The current state and prospects of development of forensic psychology in the Russian Federation: proceedings of the Russian scientific-practical conference with international participation. Kaluga, 26-29 May, 2010]. Kaluga: Kaluga State Univ. Publ., 2010. P. 101-106.

V Tatarstane zapreshheny ocherednye materialy saentologov [Materials of scientologists are prohibited in Tatarstan again]. Available at: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2011/09/d22513/> (accessed 19.10.2013).

MODERN CLERICAL AND RELIGIOUS DISCOURSE IN TERMS OF FORENSIC LINGUISTICS ISSUES

Valery A. Mishlanov

**Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University**

Vladimir A. Salimovsky

**Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University**

In the paper the topical issues of linguo-conflictology and forensic linguistics are considered, provisions of the law of the Russian Federation «On Countering Extremist Activity» concerning verbal extremism, which manifests itself in clerical and religious texts, are analyzed. It is noted that texts of the religious discourse «resist» the objective categorization and law enforcement practice to a greater extent than other texts of the «discourse of enmity» (e.g., the ones aimed at incitement to ethnic or social hatred). The authors believe that solution of the law enforcement issues in the sphere of religious extremism requires mutual participation of both legislators and linguists-experts, providing they are not only issues of juridical linguistics and methods of linguistic expertise of conflictogenic texts, but also linguistic support of the law-making process that come within the competence of linguistics (especially, in the case of legal regulation of verbal communication). The linguistic and semiotic peculiarities of texts of different genres of the clerical and reli-

gious discourse are identified. It is noted that so-called «God-inspired» texts, that is, sacred texts of the world religions (such as the Bible, the Quran, the Avesta, etc.), which appeared in ancient times and for many centuries have been serving as the semiotic basis for spiritual culture of ethnic groups belonging to different world religions, can not be the subject of legal regulation, in contrast to modern preaching and other texts of the religious discourse, which present certain parts of the sacred texts being interpreted with a particular purpose. The authors come to the conclusion that legal and linguistic law enforcement practice relating to communication activity of so-called destructive (totalitarian) sects, such as Scientology, Jehovah's witnesses, etc., requires significant improvement. It is particularly pointed out that anti-extremism legislation in Russia does not give reasonable grounds for imposing a ban on preaching activity of the leaders of most sects, at the same time there is no doubt that in many cases this activity carries threat to the society and, therefore, it must be forbidden. It is accentuated that categorization of oral activity of the preachers of destructive religious organizations is provided by a multi-discipline expert panel with the participation of not only linguists, but also specialists from many other areas of knowledge.

Key words: clerical and religious discourse; inspiration by God as a semiotic notion; semiosis, semiosphere, verbal extremism; linguistic support of legislation; law enforcement practice; forensic linguistic expertise.